

Урок по заявкам

Лариса ЗАХАРОВА, учительница, Отличник народного просвещения

Как-то в конце учебного года я сказала ребятам: “С программой мы с вами справились. На нескольких оставшихся уроках поговорим о том, что вам интересно — тему определите сами”. Такой бурной дискуссии я давно не видела. Мои пятиклассники кричали, вскакивали с парт, наперебой предлагали самые фантастические темы. В этом гвалте прозвучал негромкий голос девочки: “А почему люди бывают жестокими?” И ребята как-то прихли, сели на свои места, а кто-то спросил: “А правда — почему?” Так и определилась тогда тема нашего первого “урока по заявкам”.

Я понимала ребят: это была их реакция на недавнее событие в классе, — на тот урок, который я считала загубленным, несостоявшимся. Лишь позже поняла, что это был, пожалуй, самый результативный урок, когда я отняла у двоих мальчиков ворону, которую они, связав птице лапки, крутили над головой. Тогда я забыла про план, про тему, про конспект и неожиданно для себя стала рассказывать сказку Мамина-Сибиряка “Ак-Бозат” — о беспомощном жеребёнке. К концу рассказа я с удивлением увидела слёзы на глазах ребят, — и не только у девочек, но и у мальчишек, и даже у маленьких палачей... Это и положило начало серии устных рассказов, некоему дайджесту, как сказали бы сейчас, из моих любимых литературных произведений, о которых и помину не было в нашей бедной, почти нищенской сельской школе. Эти рассказы “взрослели” вместе с моими учениками. Начинали мы с Виталия Бианки и Ольги Перовской, с Сетона-Томпсона и Джека Лондона. Потом ребята сами читали Тургенева и Короленко, Вересаева и Цвейга, Н. Некрасова и В. Гюго, Диккенса и Мопассана — о доброте и жестокости, о силе любви и привязанности...

А на “уроках по заявкам” мы обсуждали прочитанное, говорили об отзывчивости и сострадании, о способности понять боль другого существа и готовности ему помочь. Поскольку все же надо было изучать программный материал, проводить “уроки по заявкам”, было сложно. И ребята предложили: “Давайте будем проводить “классные часы по заявкам!” Я охотно согласилась.

Могу сказать одно: мои питомцы не только не убежали теперь с классных собраний, но и не гнушались никакой работой — в одиночку или коллективной, росли трудолюбивыми и отзывчивыми.

Понимаю, что сейчас наших пресыщенных детей, избалованных телевизионными передачами, компьютерными играми, ничем не удивишь. К сожалению, не удивишь их и книгами. И тем не менее “классный час по заявкам” всегда вызывал интерес.

Импульсом, неким толчком к нашему разговору мог стать любой неожиданный вопрос ученика. Вначале — с подвохом, с тайным желанием полюбоваться, как “училка” будет выкручиваться, не зная ответа или постесняется распространяться на какую-то щекотливую тему. Против таких подвохов у меня было одно оружие — искренность. Да, порой вопросы ребят ставили в тупик, и я говорила: “Не знаю, что вам сказать. Поговорю с коллегами, позже отвечу”. Были и такие ситуации на этих откровенных “классных часах по заявкам”, когда наш разговор напоминал ходьбу по канату, с которого очень легко сорваться и сразу же утратить авторитет. Как поступить? Решила: буду говорить максимум того, что можно, постараюсь не впасть ни в одну из крайностей: или что-то скрывать (кстати, прекрасно известное им) под фальшивым предлогом “вам ещё рано об этом знать”, или же выворачивать наизнанку самое сокровенное, интимное, невольно низводя наш разговор до пошлости.

Обычно ребята всю неделю записывали свои вопросы, пожелания и просьбы для будущего “классного часа по заявкам” и сдавали мне эти листки накануне для подготовки. Но очень часто, что было лучше и интересней — всё происходило спонтанно, неожиданно для обеих сторон. На каком-то из уроков при обсуждении программных тем (чаще, ко-

нечно, по литературе, истории, биологии) я вдруг слышала: “Давайте поговорим” или проще: “Расскажите о...” — и мне называли тему, волнующую большинство класса и, как правило, требующую продолжения. В 5–6-х классах это были в основном рассказы о животных, об их уме, верности и преданности и любви к хозяину. В старших — темы усложнялись, расширялся их диапазон, ребят волновали человеческие отношения.

Мне кажется, что самый большой пробел в нашей воспитательной работе — дефицит общения, открытого, на равных разговора взрослых с подростками и молодёжью. Не потому ли подростки, юноши и девушки, взрослея, все больше отдаляются от нас, стремятся к общению со сверстниками, предпочитая “тусовки” вдали от родителей и учителей, с которыми откровенничают всё реже, опасаясь непонимания, нотаций, приказного тона, запрещений и советов, а то и выдачи их “тайн”. Не приучили мы их к отчуждённости ещё и тем, что на самый естественный вопрос о делах сына или дочери в ответ слышим лаконичное: “Нормально” и... удовлетворяемся этим.

Часто слышу от старшеклассников: “У нас нет контакта с родителями”. Иные добавляли: “И вообще со взрослыми”. Вот почему я так дорожила нашими беседами, о чём бы они ни были: о правдивости и лживости, о нашумевшей статье в молодёжном журнале о судьбе известного спортсмена или артиста, любимых книгах и туристических походах, о добре и зле, о театральном спектакле... Не однажды заходил разговор о научных открытиях, изобретениях и уже тут, признаюсь, мои ученики гораздо подкованней меня. Мы словно менялись ролями: ребята делали сообщения, доклады, после чего начинался интереснейший диспут. Попутно, как бы между прочим, я открывала для себя своих учеников. Выяснялось, что шумливый драчун и непоседа Дима увлекается астрономией (это в шестом классе!), читает много дополнительной литературы по этому предмету. Что увалень и тугодум Петя прекрасно трудится на детской железной дороге, имеет похвальные грамоты. Что 15-летняя спортсменка Оля обожает лошадей и проводит всё свободное время на ипподроме. Что Марина любит стихи Вероники Тушновой и пишет сама, а десятиклассник Сергей знает наизусть чуть ли не всего Есенина...

Постепенно наши разговоры становились откровеннее и душевнее, а у ребят меньше секретов от меня. Росло наше взаимное доверие. Уже и тем с “подковыкой” они не задавали — переросли этот этап.

И вот что интересно: даже когда в школах ввели новый предмет “Этику и психологию семейной жизни”, то не к преподавателю этой дисциплины, а по-прежнему ко мне обращались ученики с такими вопросами: “Со скольких лет можно влюбляться?”, “Что делать, если родители не позволяют дружить с мальчиком?” На этой самой актуальной, жгучей для них проблеме — взаимоотношениях девушек и юношей, — сходилась большинство наших разговоров. К сожалению, очень часто бывало и так, что наедине со мной в откровенном разговоре школьница, не выдержав горя одиночества в неблагополучной семье, рассказывала о том, как пьют, ссорятся, колотят друг друга папа и мама, как ей горько живётся в этом семейном аду. Так, через “классные часы по заявкам” я многое узнавала о семьях своих учеников. Это сейчас мы как-то утратили профессиональную потребность и обыкновение посещать семьи, общаться с родителями учеников в домашней обстановке. А делать это надо, иначе наше “лично-относительно-ориентированное” образование будет пустой болтовней: как ориентироваться на личностные качества ребят, если мы их не знаем?

Помню, как мы с девочками по взаимному согласию решили разговаривать иногда в отсутствие мальчиков. Позже подобные беседы велись и с мальчиками. Я убеждена, что решающую роль в характере взаимоотношений юноши и девушки играет всё же девушка, как и женщина в семейной жизни. Недаром говорят, что мужчина, как правило, выбирает ту женщину, которая давным-давно уже выбрала его. Сегодня я с ностальгическим чувством вспоминаю, какими чистыми и целомудренными были эти наши беседы, какими просветлёнными прекрасные девичьи лица, румяные от волнения и смущения и — такие серьёзные и благодарные!

Я глубочайше убеждена: сегодня такие беседы особенно нужны молодым. Самое интересное, что в нынешнее время предельной разнузданности ТВ, свободной порнографической печати и “эротических” (читай: порно) выставок, повестей и романов, полных нецензурных выражений и описаний извращённого секса, “полового воспитания” чуть ли не с детского сада, с раздачей презервативов ученикам начальной школы во время когда не любят, а занимаются любовью юноши и девушки (во всяком случае большинство), тянутся к хорошим книгам, посещают концертные залы и тоскуют по высоким чистым чувствам. Они не забыли, что такое стыд, скромность, сердечность. И хотя есть девочки, со школьных лет мечтающие о “профессии” валютных проституток, есть и такие, что в 13–15 лет бросают в мусоропровод своих нежеланных детей — основная масса молодёжи — люди умные, образованные, интеллигентные, а главное — добрые, участливые, самоотверженные, всегда готовые прийти на помощь.

Директор одной из московских школ с гордостью как-то на страницах газеты сказал, что “за те пятнадцать лет, что мы существуем, из наших стен не вышло ни одного подлеца”. Прекрасные слова! Отличный директор и отличные учителя, если знают судьбы всех своих выпускников, следят за ними, ручаются за них. Как необходима эта проверка временем для обеих сторон!

Добавлю, что и я, как и мои коллеги, знаю судьбы многих своих питомцев. Мы встречаемся. И мне очень приятно, когда мои гости при встречах непременно вспоминают наши “уроки по заявкам”, цитируют запавшие в душу строчки из “Состязания” В.Вересаева, из “Русских женщин” Н.Некрасова, из “Отверженных” В.Гюго — книг, прочитанных ими уже в зрелые годы, но со школьной “подачи”.

В наших “классных часах по заявкам” чётко просматривается некая тематическая система, так что условно можно даже разбить их на циклы. Самый большой цикл — это разговор на наиболее важную тему, самую-самую главную в этом возрасте — об отношениях юношей и девушек.

...Семиклассницы смотрят на меня с тревожным ожиданием. Я перебираю гору записок. “Скажите, пожалуйста, как нужно вести себя с незнакомым мальчиком? Как отвечать на его вопросы?”; “Как помириться, если вы поссорились со своим другом?”; “Хорошо ли это — одеваться по моде, или надо выбирать только то, что тебе идёт?”; “Любовь в пятнадцать лет — настоящая?”; “Бывает любовь без измены?”; “Как быть, если мальчик тебе нравится, а ты ему нет?”; “Можно ли признаться в любви первой?”

Старая история, которая вечно остаётся новой, — как сказал классик. Читаю вопросы вторично — теперь уже вслух, и мы сообща выбираем одну главнейшую тему, бесхитростно сформулированную анонимной “авторшей”: “Пошлость — это когда про любовь?”

Рассказываю им историю из своей учительской жизни.

— Юра, выходи, давай познакомимся! — девочки с игривыми шуточками и хихиканьем звонят мальчику, которого вчера увидели на школьном вечере. Он из другой школы, хорошо танцевал, понравился хозяйкам. Восьмиклассницы узнали его телефон. Юра учится у меня; это 16-летний парнишка — умный, начитанный, скромный.

— Помогите, пожалуйста, просто спасения нет от девчонок! — жалуется мне его мать. С утра до вечера звонят Юрке. Болтают, визжат, кричат так, что я слышу. Сыну стыдно за них, он перестал подходить на звонки — хоть телефон отключай!..

Я не делаю никаких комментариев. Девочки какое-то время молчат, а потом их словно ветром подхватывает — наперебой высказывают своё мнение:

“Назойливо набиваться на знакомство с мальчиком, когда тебе дают понять, что это нежелательно и — это унижительно...”

“Девушки полны достоинства!..”

“Мы сами портим мальчиков, они зазнаются, начинают менять подруг. Поссорился с Катей? Велика беда! Найдётся Вера, или Таня, или Марина...”

“Неуважение юношей к девушкам — от неуважения девушек к самим себе”.

Ещё одна сценка из жизни. В вестибюле институтского общежития сидит преподава-

тель и двое студенток ждут телефона. Девушка минут 20 говорит со своим возлюбленным и, несколько не стесняясь посторонних, устраивает ему безобразную сцену — то бранит его, то уговаривает прийти... Всем невольным свидетелям этих отношений неловко. Ей — нет.

Я хочу сделать резюме, сказать классу, что мимо подобных фактов нельзя проходить, что должны вмешаться... и замолкаю. Кто? Кто скажет этим несчастным страдающим девчонкам, что они сами — причина их неудач? У них ведь были учителя, школа, классные руководители, у них есть родители. Но теперь, пожалуй, уже и поздно.

Самый убедительный аргумент — жизнь. И я рассказываю об одной семье. Учительской семье. Вырастили детей, внуков, растят правнуков. Прабабушка до последних дней своей жизни вечно кому-то помогала, за кого-то хлопотала, занималась бесплатно с отстающими учениками, ходила по всевозможным учреждениям “хлопотала” за сирот. Как говорила, делала все это в память погибшего на войне любимого сына. Прадедушка, тоже учитель, директор школы, добрейший человек, скончался, не дожив нескольких месяцев до золотой свадьбы. Незадолго до кончины последний раз съездил на родину, видимо, попрощаться, чувствуя близкую кончину. И все две недели каждый день писал своей жене письма. “Так пишут только молодожёны во время медового месяца”, — печально и гордо говорила мне осиротевшая его жена.

Да, велико её горе. Но велико и счастье: большая, светлая, прекрасная любовь на всю жизнь досталась ей — от юных дней до седых волос. Любовь, о которой все мечтают, но которая не каждому даётся, потому что не каждый знает, что существует она всегда рядом с такими понятиями, как честь и совесть, достоинство и гордость, вера и взаимное уважение. Без них нет любви. Есть обман. Суррогат. Подделка.

Девочки слушали рассказ об этой семье с интересом. А Надя возразила:

— Но ведь это прошлый век! Вы же сами сказали — бабушка, прабабушка!

— Так ведь для проверки чувств необходимо время! — говорю я. — Нас с вами тоже будут оценивать в двадцать первом столетии! И может, именно ты будешь той старушкой, которая проживёт свою жизнь так же чисто и красиво, и именно о ней будет рассказывать учительница девочкам-семиклассницам...

Девочки смеются. А у меня для них ещё один аргумент — письмо моей недавней ученицы, которая живет далеко от меня и изредка мне пишет. “Не знаю, как выразить то, что я чувствую. Мне и тревожно, и радостно, и волнуюсь я, и чуточку стыжусь чего-то. За что мне такое счастье, чем я его заслужила? Я полюбила — в первый раз в жизни, серьёзно, навсегда. Я ждала этого, читала об этом, смотрела фильмы и спектакли, но никогда не думала, что ЭТО придёт и ко мне и что будет так прекрасно... А теперь — Люблю!!! Люблю! Люблю! Я готова кричать об этом, хотя совершенно нет надобности, все видно на моем лице... До чего же прекрасен мир! Я люблю сейчас всех людей, природу, каждую былиночку! А моего Игоря — больше всех. Я готова умереть от счастья...”

Девочки мои уже не смеются, — молчат в глубокой задумчивости...

— Вы и сейчас продолжаете считать, что “пошлость — это когда про любовь?” — повторю я анонимный вопрос.

— Нет, — возражают девочки. — Но... объясните нам, что это за слово? Что оно означает?

— Боюсь, что не сумею вам объяснить, — честно признаюсь я. — Вот что пишет С.Ожегов в своем словаре: пошлый — это “низкий в нравственном отношении, безвкусно-грубый, лишенный идейных интересов и запросов”. Но мне кажется, дать истинное, более полное определение трудно, надо его просто чувствовать. Привожу ещё пример. У меня есть знакомая девушка, дочь соседней. Она “обожает” своего жениха, как не устает повторять. Милая, ясноглазая, нежно воркует и лепечет со своим возлюбленным. Но стоит ей оказаться с матерью или бабушкой, как это юное очаровательное существо с ангельской внешностью превращается в пошлую злобную фурию и визгливо кричит: “Замолчи! Отстань! Надоела! Не твякай!” Я не верю в её любовь к жениху и полностью согласна с А.С.

Макаренко, который утверждал: “Молодой человек никогда не будет любить свою невесту и жену, если он не любил своих родителей, товарищей, друзей”.

Мы говорим о таком ярком образчике пошлости, как “письма в редакцию” радио, газет и журналов. Юноши и девушки в затруднительных случаях обращаются не к родителям, не к друзьям или учителям, а к совершенно чужим, незнакомым людям в надежде получить совет, моральную поддержку, утешение. Пишут в основном девушки, пишут преимущественно о любви, и почти каждый раз — о любви неудачной. В этих письмах, как в зеркале, вижу я наши воспитательские просчёты: не научили мы этих девушек великому и благородному умению сохранять своё достоинство даже в горе, каким в эти годы кажется отверженная любовь. Да и любовь ли это? “Дорогая редакция, помогите! Мне нравился парень. Его звали Гена. Мы дружили семь месяцев. Затем он стал дружить с другой девушкой. Потом она уехала, а он вернулся ко мне. Скажи, дорогая редакция, могу ли я верить этому человеку, если он не дорожит дружбой? Посоветуй! Таня”.

Этой Тане и в голову не пришло: а стоит ли вообще иметь дело с таким человеком, у которого сегодня Таня, завтра Маня, потом снова Таня?

“Я любила Сергея. До этого у него была другая девчонка, но он бросил её и стал дружить со мной...” Как просто! Дружил — и бросил, словно майку снял... И никаких укоров совести, ни у юноши, ни у девушки никакого стеснения от мысли, что своё так называемое “счастье” она строит на несчастье другого человека, может быть, даже близкой подруги. Было бы мне хорошо! И до “девчонки” ли тут? Это неуважительное словечко ярко характеризует автора и его нравственную позицию по отношению к людям. Языковая пошлость безошибочно отразит пошлость натуры. Какой гнев, какое негодование будет испытывать эта девица, когда он “бросит” её! А как он не бросит, если “ходит то к ней, то ко мне; после ссоры со мной возвращается к ней...”

Уважающие себя и других девушки поступают иначе: “Друг Марины поссорился с ней и решил дружить со мной. Но не могла же я так подло поступить по отношению к своей подруге! Я так и сказала Виктору и не стала с ним встречаться”.

Такое письмо было единственным в толстой пачке редакционной почты, которую мы подготовили к нашему разговору. “Мы поссорились, посоветуйте, что делать?” “Дорогая редакция! Посоветуйте: ждать мне Колю из армии или гулять с другим парнем?” Вот она, пошлость, в “очищенном” виде. Можно дать совет и даже рецепт, как испечь яблочный пирог или особым способом заквасить капусту, но ждать или “гулять” с другим? Конечно же, ждать, милая девушка. Или нет, лучше гулять с Володей. Впрочем... — и т.д. Эта девушка не чувствует комизма в циничном своем вопросе, оскорбительном и для обеих юношей. И в первую очередь для неё самой.

Да и может ли быть любовь столь рациональной? Ему, редактору, всё равно — что Коля, что Володя — “все равны, все удалы”. Он их не знает, для него они отличаются только именами...

Надеюсь, в том разговоре семиклассницы поняли, что такое пошлость.

На следующий классный час поступают уже другие вопросы-заявки: что такое истинная любовь, как она проявляется?

Рассказываю ребятам о том, какую трагедию пережил поэт Федор Иванович Тютчев, полюбивший на склоне лет молодую девушку Е.А. Денисьеву — тяжело больную, знавшую о неизбежной и скорой своей кончине. Страдания Тютчева усугублялись тем, что он был женат, женат дважды — первая жена умерла, оставив ему трёх дочерей, а вторая — Э.Ф. Пфеффель — была благороднейшим и нежнейшим существом. Женщина дивной красоты и редкого обаяния, она стала не мачехой, а подлинной матерью маленьких сирот, воспитала их вместе со своими тремя детьми, не делая в своем отношении к ним ни малейшей разницы. В письме к матери поэт писал об Эрнестине Федоровне в начале их совместной жизни: “Чем достаточно я не могу нахвалиться, так это её нежностью к детям и её заботой о них. Утрата, понесённая ими, почти возмещена”.

И такую женщину, которой он был стольким обязан, должен был смертельно оби-

деть Федор Иванович — чуткий, умный и добрый человек. Но чувство оказалось сильнее — и Эрнестина Федоровна поняла это. Она уехала в родовое имение Овстуг, не желая быть мужу помехой, не оскорбляя и не тревожа его ни единым упреком, ни единой жалобой. Она радостно встречала его, когда он приезжал проведать её, и только оставшись одна, предавалась слезам и отчаянию. Когда же Е.А. Денисьева скончалась, оставив Тютчеву их ребенка, поэт был вне себя от горя. Но и тут его утешительницей, другом и добрым гением снова стала неизменно любящая Э.Ф. Пфелфель. Это — настоящая любовь, истинное чувство, настоящая — представьте себе — человеческая гордость. Это настоящее и давало силы женщине для самопожертвования, забвения себя ради благополучия любимого человека.

В жизни ведь это главное — чтобы всё было настоящим!

Пройдут времена, когда на экранах ТВ, в газетах и даже книгах царствует пошлость, всё время пробивая себе дорогу в молодые неокрепшие души. Переживём и эту напасть, как переживали многие другие...

Говорю семиклассникам, что наши беседы (и ничто, и никто!) не научат их быть счастливыми. В.А. Сухомлинский заметил как-то, что есть такие великие вещи, которые человек должен узнать сам, иначе исчезнет вся прелесть открытия, познания тайны. Одна из них — любовь...

В одной из бесед с мальчиками (примерно на те же темы) мне пришла в голову такая мысль: написать, кого из девочек в классе они больше всего уважают и кого — нет, и почему. То же самое — в обоих случаях без предупреждения — я предложила девочкам. Эти анонимные записки (их можно было напечатать, чтобы позже не узнать) я потом дала прочитать “другой стороне”, чтобы каждый и каждая знали, что о них думают. Может, это было не совсем педагогично, но реакция оказалась гораздо более действенной, чем, если бы ребят вызвали на десяток педсоветов для “обработки”. Всё делалось на добровольных началах, каждый писал о ком хотел, и я с удовлетворением увидела, как ребята очень быстро пересмотрели своё поведение. Вот что значит прочитать справедливые и беспощадные слова своих товарищей о себе. Никакие нотации педагогов не воздействовали бы так сильно, как это “личное” мнение.

Из “классных часов по заявкам” рождались темы сочинений: “Добро и зло”, “Думая о будущем”, “Моя семья”, “Я расстаюсь со школой”, “Я”, “Человек, которого я люблю”, “Что я думаю о старости”, “Стихи (любые и любимые) — чужие, свои”.

И в сочинениях этих не было ни одного неискреннего слова.

А у меня после одного из таких уроков родились стихи:

ЗАТРУДНЕНИЕ

Ты в десятом... Здесь уже не дети.
Не сочтешь, как много школьных дней
Я тебя учила, не заметив
Юности проснувшейся твоей.
За беседой, лекцией, собраньем
Проглядела я другую жизнь,
Думая, что все твои желанья,
Интересы, мысли, ожиданья
На пятерке в фокусе сошлись.
Юность же в права свои входила,
Все с пути сметая рубежи.
— Что с тобою? — я тогда спросила. —
Помогу. Доверься. Расскажи.
Ты в смущенье лоб потёр рукою...
— Как сказать? Неловко... Тяжело.
В первый раз ко мне пришло такое —
Чувство, не испытанное мною.
Ну, а к ней, как видно, не пришло.
Вот и всё... Никто о том не знает.
(Поднял голову, шагнул назад...)

— Только вы... — И прямо, не
мигая,
В душу смотрят чистые глаза.
Я молчу — наставник и учитель...
Как помочь парнишке моему?
Что же вы, учителя, молчите?
Что бы вы ответили ему?

г. Жуковский Московской обл.